

ЕВГЕНИЙ
КОКОВИН

Динь-Дат

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕВГЕНИЙ КОКОВИН

ДИНЬ-ДАГ

Повесть-сказка

Светлой памяти северного
сказочника и художника
Степана Григорьевича
Писахова

ВЕЛИКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Имя свое он получил от Витальки Голубкова. А случилось это очень просто, вот так.

Сидел Виталька на полу в комнате и строил высотный дом. Дом получился очень высокий. Правда, он был пониже настоящего небоскреба, но зато намного выше папиного письменного стола.

Толстые и тяжелые, словно кованные, книги, картонки из-под ботинок «Скороход», цветистые, пахучие коробки от конфет и одеколona, спичечные коробки с кораблями, маяками, автомашинами, медведями и чайками, детские кубики с буквами и картинками, веснушчатые кости домино — все пригодилось инженеру Витальке Голубкову для строительства.

Хотя Витальке еще совсем недавно исполнилось только шесть лет, был он неутомимый выдумщик и труженик. Вчера он превратился в доктора и усердно лечил Катюшкиных кукол с разбитыми головами и оторванными руками. А сегодня решил стать инженером и построить высоченный дом.

Какой это был дом — двадцать пять этажей! Таких домов в городе, где жил Виталька, конечно, пока еще не строили. И жить в таком доме было одно удовольствие.

Виталька сидел на полу и размышлял, где и кого в этом великолепном доме поселить.

— Тут будет папина работа, — шептал он. — Совсем близко папе на работу ходить. Тут будет магазин с булками, тут — магазин с мороженым, а здесь — магазин с игрушками... Вот здесь будет жить бабушка, а на самом верху — мы с папой, с мамой и с Катюшкой. Высоко и все вокруг видно...

В это время в прихожей раздался резкий и короткий звонок. Так коротко звонит только отец. Виталька вскочил и широко распахнул дверь комнаты. Он с нетерпением ждал прихода отца, чтобы показать ему свое чудесное двадцатипятиэтажное сооружение. Но распахнул Виталька дверь на свою беду.

В комнату забежал вертлявый и плутоватый пес Каштан. Не успел Виталька на него прикрикнуть, как быстрый Каштан с ходу сунул свой

вездесущий шмыгающий нос во второй этаж высотного дома. Должно быть, Каштана привлек острый и душистый запах конфетных коробок.

И тут произошла величайшая катастрофа. Дом с грохотом рухнул.

— А-а-а! — завопил Виталька истошно. — Каштанище противный! Я тебе покажу! А-а-а!..

Он схватил метелку и замахнулся на пса. Перепуганный Каштан поджал хвост и юркнул в дверь, а Виталька сел на пол и разревелся.

Нет, Виталька не был плаксой. Но ведь, сами подумайте, разве не обидно?! Целых три часа строил Виталька свой многоэтажный, с лифтом, многоквартирный, с водопроводом, с магазинами и парикмахерскими огромный высотный дом. Сколько тут было положено труда архитекторов и инженеров, каменщиков и плотников, маляров и штукатуров, трубопроводчиков и электромонтеров! И вдруг появился этот бессовестный глупый пес и все разрушил. При таком бедствии поневоле заревешь.

Тут в комнату вошел отец. Он работал мастером на машиностроительном заводе и, как это точно знал Виталька, был вообще мастером на все руки. Витальке он мастерил корабли и самолеты, Катюшке рисовал цветы и клеил бумажные домики, а маме ремонтировал швейную машину, электроплитку, замки и точил ножи и ножницы. Кроме того, он сам белил дома потолки, оклеивал обоями стены, чинил стулья и любил играть в шахматы.

— Ты опять наводнение устраиваешь? — сказал отец, присаживаясь на пол рядом с сыном.

— Я... я... строил, строил, — захлебываясь, ответил Виталька. — А он прибежал и все сломал...

— Кто прибежал?

— Этот противный Каштанище! А я еще ему утром полконфеты отдал. А дом был вот такой высокий! — Виталька поднялся с пола и вытянул руку вверх до отказа.

Виталька немного схитрил, преувеличил высоту своего дома примерно на полметра. А ведь лучше, если новый дом будет еще выше прежнего.

Так оно и вышло.

— Ничего, — сказал отец. Мы построим дом еще выше! А Каштана накажем и не примем его играть.

Виталька одним глазом тайком посмотрел на отца и снова захныкал.

Отец тоже встал и пошарил рукой в карманах, но ничего не нашел. В руке оказалась лишь пятнадцатикопеечная монетка.

Отец подбросил монетку кверху и щелкнул пальцами.

Монетка упала на пол и звякнула: «динь!» Подпрыгнула и второй раз упала уже на ребро. Звук получился глухой: «даг!»

Виталька засмеялся.

— Динь-Даг! — сказал он. — Это его так зовут, да?

— Кого? — удивился отец.

— Деньгу зовут Динь-Даг. Он сам сказал, правда?

Виталька тоже подбросил монету, и снова раздался двойной звук — звонкий и глухой: «динь-даг».

— Правильно, — согласился отец. — Его зовут Динь-Даг.

— А фамилия у него какая? — спросил Виталька.

— Фамилия? — Отец задумался, потер лоб ладонью и торжественно произнес: «Фамилия его Пятиалтынный!»

— Почему Пятиалтынный?

— Потому что эта монета пятнадцать копеек. В ней пять алтын. А алтыном раньше называли три копейки. Трижды пять будет пятнадцать. Пятиалтынный и получается.

Так Динь-Даг получил свое имя.

Отец в этот день вернулся с работы раньше обычного, потому что была суббота. А мама совсем забыла о том, что сегодня суббота, и к приходу отца обед ещё не был готов.

В ожидании обеда папа и Виталька стали строить новый дом. К старому строительному материалу они еще добавили две мамины резные шкатулки из-под ниток и пуговиц, ящик с инструментами и коробку от патефонных пластинок.

Новый дом получился на славу, выше и красивее прежнего. И все любовались огромным сооружением — и Виталька, и папа, и мама, и Катюшка. Только Каштана уже в комнату не пускали. Все равно в архитектуре он ничего не понимал.

Виталька пообедал раньше всех и скорее опять побежал в ту комнату, где стоял его замечательный дом. И тут ему показалось, что дому чего-то не хватает.

— Ага! — весело воскликнул Виталька. — На дом нужно звезду!

На полу около дома лежал забытый пятиалтынный Динь-Даг. Виталька взял Динь-Дага и еще веселее закричал:

— Звезда на доме будет серебряная! Звезду я сделаю из деньги!

В комнате стоял отцовский маленький слесарный верстак. К верстаку были привинчены маленькие слесарные параллельные тиски.

Виталька развел губки тисков и потом зажал в них монету.

— Ай! — взвизгнул Динь-Даг. — Больно!

Но Виталька не обратил никакого внимания на жалобу Динь-Дага. Он вытащил из ящика трехгранный напильник и приготовился пилить. Он провел по монете углом напильника один раз. Появилась заметная царапина.

— Дзи! — отчаянно пропищал Динь-Даг. — Больно!

Вошел отец и, увидев, чем занимается сын, наставительно сказал:

— Вот это не дело, Виктор! Деньги государственные, наши советские, и портить их нельзя.

— Я хотел сделать звезду на дом, — виновато признался Виталька.

— Звезду мы сделаем из серебряной бумаги.

И отец в самом деле быстро и ловко вырезал большую блестящую звезду из конфетной фольги. А Динь-Дага он освободил из тисочного плена и положил в карман.

— Завтра воскресенье, — заметил он. — Мы с тобой, Виталька, пойдем гулять и на эти деньги купим мороженого.

— Ладно, — согласился Виталька. — Пойдем гулять и купим мороженого.

Какой же мальчишка откажется от мороженого? Во всей истории еще такого случая не было.

А Динь-Даг облегченно вздохнул и на радостях запел свою любимую песенку:

Я путешественник великий,
Все это знают хорошо.
Динь-динь! Динь-Даг!

От песенки Динь-Дага попахивало хвастовством. Но была в словах песенки и доля правды. Попутешествовал Динь-Даг немало.

Если вспомнить, то после монетного двора, где Динь-Даг родился, он столько повидал, что ему мог бы позавидовать любой искатель приключений.

Бывали ли вы, например, в могучем сейфе Государственного банка? А вот Динь-Даг там побывал дважды. Он перезнакомился с другими монетами, с ключами в карманах, лежал в клетке магазинной кассы с другими пятиалтынными, видел дамские сумочки, кошельки, портмоне и бумажники. А сколько он слышал самых разнообразных историй, веселых и грустных, смешных и трогательных, — можно бы написать большую книгу!

А сколько он еще будет путешествовать, сколько увидит разных людей — злых и веселых, трудолюбивых и ленивцев, молчаливых и болтунов. И сколько еще он услышит разговоров, смеха и рыданий, споров, былей и небылиц!

Динь-Даг спокойно отдыхал в кармане отцовского пиджака. А утром в воскресенье он отправился гулять и вдруг оказался в железной тарелке у продавщицы мороженого. Он даже не успел попрощаться с Виталькой. Так все произошло быстро и неожиданно. А Виталька все-таки сказал: «До свиданья, Динь-Даг!»

МНОГО ПОЛЕЗНЫХ ДЕЛ

Это была обыкновенная алюминиевая тарелка, достаточно большая и глубокая, чтобы в ней поместилась добрая порция щей или ухи, котлет с гарниром или каши с молоком. Но ни супа, ни котлет и вообще никаких кушаний эта тарелка никогда не видела. Из огромного посудного магазина она прямо попала на маленький прилавок веселой продавщицы мороженого тети Кати. Тарелка стала кассой для мелочи.

Бойко торгуя, мороженщица тетя Катя поминутно выкрикивала: «А ну, кому мороженого? Сливочное! Шоколадное! Фруктовое! Эскимо!»

Сегодня было жарко, и покупателей много. Тетя Катя могла бы и не зазывать покупателей, но уж такой характер у тети Кати — не любит она молчать.

Горячее июньское солнце сверкало в тарелке, и сама тарелка походила на маленькое солнце: в ней лежало множество серебряных монет. В это блистательное общество гривенников, пятиалтынных и двугривенных попал и наш Динь-Даг.

Несмотря на дневную июньскую жару, в тарелке было прохладно, потому что она находилась по соседству с большой пузатой бочкой, доверху наполненной искристым льдом.

— А здесь не так уж плохо, — подумал Динь-Даг, попав в тарелку из темного и душного кармана отца Витальки Голубкова. — А главное, здесь светло и весело и много друзей!

Бойкая тетя Катя выбрала для себя и бойкое место. Её прилавочек и бочки со льдом и мороженым стояли у входа в городской сад, где еще разместился и стадион. В саду играла музыка, и люди шли сюда сплошным нескончаемым потоком. Они проходили около прилавка тети Кати и покупали мороженое. Вы сами знаете, как приятно в жаркий день, наслаждаясь леденящим мороженым, отдыхать в тенистых садовых аллеях.

От солнца, музыки и веселых выкриков тети Кати Динь-Даг пришел в самое доброе расположение духа.

Он даже запел свою любимую песенку:

Я путешественник великий...

Но тут он услышал чей-то тоненький, но задорный голосок:

— А ну-ка расскажи, где ты сегодня путешествовал? Где ты побывал?

Динь-Даг повернулся и увидел около себя совсем новенькую десятикопеечную монету. Что мог он ответить на вопрос дерзкого Гривенника? Да ничего. Ведь сегодня Динь-Даг действительно нигде не был. До полудня он пролежал в темном пиджачном кармане.

— Ага, — насмешливо продолжал Гривенник, — ты, наверное, просто хвастаешься. А вот я в самом деле сегодня путешествовал. Я уже накатался

по городу в сумке у кондуктора трамвая, видел, как ребята сажают на набережной кусты жимолости. Потом ребята побежали купаться, и один мальчишка, у которого я сидел в кулаке, выронил меня, и я чуть было не похоронился в песке. Хорошо, что мальчик меня разыскал. А потом ребята после купания пошли пить лимонад. Я оказался в такой же тарелке, как эта. Но через пять минут меня отдали на сдачу какой-то девушке. Эта девушка пошла танцевать в сад, а перед танцами решила угоститься мороженым, и вот я тут. Но сегодня я еще попутешествую. Я очень не люблю сидеть на одном месте. А ты?

Болтовня Гривенника немного обидела Динь-Дага, но ответить он ничего не мог.

— Да, — сказал Динь-Даг, — это верно, я сегодня нигде не был, но это потому, что сегодня у всех людей выходной день, все отдыхают. И я тоже отдыхал.

— Путешествия — тоже отдых, — возразил Гривенник и гордо добавил. — Я путешествовал и, кроме того, помогал людям отдыхать.

— Это правильно, — поддержал Гривенника потускневший от времени Пятак, должно быть, большой труженик. — Мы для того и живем, чтобы помогать людям работать и отдыхать.

Тут Динь-Даг не только обиделся, а прямо-таки разозлился и заносчиво оборвал и без того короткую речь Пятака:

— Как ты смеешь меня учить! Хотя ты и велик ростом, но в три раза младше... дешевле меня...

Скромный Пятак тоже, видимо, обиделся и промолчал. А Гривенник за него вступился:

— Хотя я тоже старше, дороже Пятака, но никогда не позволю себе зазнаваться. Я уважаю тех, кто скромен и любит работать.

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, но тут тетя Катя взяла Динь-Дага и вместе с ним еще две монеты и, сказав: «Получите, пожалуйста, сдачу», высыпала монеты в ладонь высокого паренька в спортивном костюме.

Тут воинственный пыл у Динь-Дага остыл, и наш герой задумался над словами Гривенника и Пятака. Что ни говорите, а они, пожалуй, были правы. Просто Динь-Даг погорячился. А сейчас он признался самому себе, что сегодня действительно ничего хорошего и доброго пока для людей не сделал.

— Но почти весь день еще впереди, — сказал он, падая в карман молодого спортсмена. — Я еще успею помочь людям отдыхать.

Спортсмен сидел на трибуне стадиона и наблюдал за игрой в футбол. Он очень переживал игру, поминутно вскакивал и что-то кричал в сторону поля. Хотя Динь-Даг чувствовал, что футбол доставляет большое

удовольствие спортсмену, сам он такого удовольствия не переживал. Но он решил стойко терпеть — пусть люди отдыхают, как им хочется.

Рядом с молодым спортсменом сидел пожилой солидный человек в соломенной шляпе и в очках. Однако, несмотря на внешнюю солидность, вел себя этот гражданин совсем не солидно и тоже вскакивал и кричал, словно мальчишка: «Куда ты его?.. Подай на левый край! На левый, говорю! Ну кто же так бьет? Рука, рука была! Судья, чего ты смотришь?! Выгнать судью с поля!.. Давай, давай! Бей! Эх, как высоко дал! А то бы верный гол!»

Пожилой гражданин так кипятился, что, казалось, от исхода игры зависит вся его жизнь. Он краснел от досады и все время угрожал, что уйдет со стадиона. Но все-таки он не уходил и продолжал переживать:

— А все равно «Спартак» выиграет, — заключил он, отирая со лба обильный пот.

— Ну, это еще как сказать, — усмехаясь, возразил спортсмен. — У «Спартака» слабое нападение.

— Это у вас слабое нападение! — вскочил солидный гражданин, словно сам готовясь к нападению. Ему явно хотелось, чтобы выиграл именно «Спартак».

— У вас сын играет в «Спартаке»? — ехидно спросил спортсмен.

— Сын не сын, а двое знакомых есть, — ответил солидный гражданин не без гордости. — Вот сейчас мы решим, кто выиграет. Дайте-ка, молодой человек, мне какой-нибудь пятак!

— А зачем вам? — спросил спортсмен и достал из кармана Динь-Дага. Пятачка нету, а это годится?

— Все равно, — сказал гражданин. — Вот сгадаем. Если выпадет орел, выиграет «Спартак»...

— Какой орел? — недоуменно спросил спортсмен. — Это на царских деньгах, кажется, были орлы...

— Верно, — согласился солидный гражданин. — Если упадет кверху гербом, выиграет «Спартак». И он подбросил Динь-Дага.

Динь-Даг, звякнув и подпрыгнув, упал кверху гербом.

— Вот видите! — торжествующе закричал солидный гражданин. — Выиграет «Спартак»!

Но только он крикнул, как в ворота «Спартака» стремительно влетел мяч.

Спортсмен захохотал, а солидный гражданин сконфуженно сел на свое место и только вздохнул.

Вскоре судья на поле дал последний продолжительный свисток, что означало: игра окончена. Спортсмен встал и попрощался с солидным гражданином:

— Счастливо оставаться! Мой пятиалтынный вам не помог. А вот мне он сейчас поможет сообщить моим друзьям о результате матча.

Он достал обрадованного Динь-Дага и, подбрасывая его на ладони, пошёл к телефону-автомату. Но лезть в узкую щёлку таксофона Динь-Даг вначале отказался, хотя он совсем не знал, что его ждёт впереди.

— Странно, — сказал спортсмен и внимательно осмотрел монету. И тут он заметил на монете рубец от напильника Витальки Голубкова. Проскочить Динь-Дагу в щёлку автомата мешала небольшая заусеница. — Кто же это тебя так покалечил? — спросил спортсмен, отковырнул заусеницу и втокнул Динь-Дага в таксофон.

Динь-Даг провалился в темноту, услышал какой-то странный гудок и свалился ещё ниже, прямо на другие монеты. Как он почувствовал, все его новые знакомые были также пятнадцатикопеечного достоинства.

Динь-Даг вежливо представился, назвав себя, и хотел спросить у других монет, где он находится. Его новые товарищи не дали ему говорить:

— Молчи! Мы слушаем интересные разговоры людей. И вдруг Динь-Даг услышал весёлый голос спортсмена, своего недавнего владельца:

— Это ты, Клава? Наши выиграли со счётом 1:0. Да, молодцы! Это потому, что я так здорово болел за наших. Значит, я тоже выиграл... Ты сегодня пойдёшь со мной в кино? Встречаемся ровно в шесть часов вечера у входа.

Снова загудело, потом что-то щёлкнуло, и всё затихло.

Но скоро на Динь-Дага упал новый пятиалтынный и спросил:

— Где я нахожусь?

— Тише, — ответил Динь-Даг. — Не мешай людям разговаривать.

Динь-Даг услышал тревожный голос женщины:

— «Скорая помощь»? Приезжайте скорее по адресу улица Энгельса, восемнадцать. У меня пятилетний сын упал с качелей и повредил ногу.

— Ты молодец, — сказал Динь-Даг новому приятелю. — Ты помог этой женщине срочно вызвать врача.

Пятнадцатикопеечные монетки падали в тесный ящик телефона-автомата одна за другой. И каких только разговоров не наслушался за эти часы Динь-Даг!

— Сегодня у меня день рождения, — говорил какой-то, видимо, немолодой человек. И тут действительно выяснилось, что он немолодой. — Да-да, мне сегодня исполнилось шестьдесят лет. Обязательно приезжайте к семи часам!

— Скажите, во сколько приходит поезд из Москвы? — взволнованно спрашивала маленькая девочка. — Сегодня приезжает мой папа, и я должна обязательно его встретить.

И потом голос звеняще-чеканный, как бронза:

— Товарищ Петров? Завтра к десяти часам утра принесите, пожалуйста, все чертежи вашего изобретения!

Монеты лежали в ящичке телефона-автомата и были довольны: сегодня они выполнили много добрых, полезных и важных дел для людей.

ПЕРВАЯ ПОЛУЧКА

Шагал по улице паренек и весело вполголоса напевал: «Нам песня строить и жить помогает»...

Было пареньку шестнадцать лет, и звали его Алеша. Песни петь он умел и любил, а строить еще только учился. Совсем недавно, две недели назад, поступил Алеша на большой машиностроительный завод учеником слесаря.

А какой это был завод! Ну просто сказочно прекрасный. Один только сборочный цех тянулся на полкилометра или, может быть, чуточку поменьше. И такие в том цехе были огромные окна, и было их так много, что, пожалуй, не всякий дворец с этим цехом мог бы сравниться.

Или литейный цех. Об этом цехе и вправду ни в сказке сказать, ни пером описать. Сам управляющий несуществующим адом со всеми его подчиненными, выдуманными чертями, сгорел бы от зависти и злости, если бы увидел, как расправляются литейщики с расплавленным огненным металлом и не боятся никакого, самого нестерпимого жара.

И станков и самых разнообразных машин на заводе было такое множество, что у новичка Алеши и в самом деле глаза разбегались. Скажите теперь, разве не счастье попасть на такой завод? Да не просто попасть, как на экскурсию, а чтобы работать на этом заводе. Вот почему был так счастлив и горд Алеша, который с давних пор мечтал о всяких машинах, строил их дома из жестянок, случайно найденных болтиков, колес и гаек. Теперь он учится строить настоящие автолесовозы. Но как знать, может быть, потом он научится строить и самые быстролетные воздушные корабли. И, может быть, эти его корабли помчатся на Луну, на Марс и на другие планеты.

А сегодня у Алеши было особенно радостно на душе еще и потому, что он получил первую заработную плату. Радостно даже от одной мысли, что сегодня первые свои заработанные деньги он отдаст матери. Согласитесь, этот юный будущий машиностроитель по праву пел: «Нам песня строить и жить помогает...»

Придет сейчас Алеша домой и скажет: «Вот, мама, получай, пожалуйста! Я заработал!»

И как это прозвучит гордо!

А мама обнимет его и, пожалуй, чего доброго, всплакнет.

Алеша купит себе настоящую чертежную доску, новую готовальню, всякие транспортиры и затейливые лекала. Ведь для того чтобы строить

машины, нужно уметь искусно чертить. А возиться с чертежами было любимейшим занятием Алеша.

Чертеж! Для незнающего, непонимающего в технике человека чертеж — сплошная загадка, хитроумный лабиринт, в который этот человек и вступить побоится. А вот инженеры и опытные рабочие читают чертежи легко, как книгу. По чертежам они и строят машины. И Алеша тоже уже кое-что понимает в этом чудесном деле, в этих волшебных листах бумаги.

Вспомнив о своих будущих покупках и о чертежах, Алеша оглянулся. Сзади никого не было. Тогда он по-мальчишески подпрыгнул и ускорил шаг, почти побежал. В кармане его куртки серебристо звякнули монеты. И звонче всех (так по крайней мере казалось самому Динь-Дагу) прозвенел пятиалтынный с чуть заметной зазубринкой. Да, полчаса назад владельцем Динь-Дага стал Алеша.

Дело в том, что когда Алеша расписался в ведомости, кассир, кроме бумажных денег, дал ему еще несколько серебряных и медных монет.

Вчера Динь-Дага вытащили из ящика телефона-автомата. Потом его сложили вместе с другими пятнадцатикопеечными монетами в столбик и завернули в бумагу.

Вот этого больше всего не любил и боялся Динь-Даг. Какая тоска томиться в тесном бумажном заточении! Темно, с боков давят другие монеты, и, главное, полное безделье. Куда веселее переходить из рук в руки, звенеть, распевать свою, пусть и хвастливую, песенку, болтать с другими монетами. А тут, в столбике, соседи у Динь-Дага попались молчаливые. Да и какие могут быть разговоры, когда монеты плотно прижаты друг к другу: слова не вымолвишь. Столбик был нем, как обыкновенный металлический стержень.

Вот если бы этот столбик рассыпать, тут зазвенели, разговорились, разоткровенничались бы даже самые угрюмые молчуны.

Но, к счастью, на этот раз долго томиться в бумажном заточении Динь-Дагу не пришлось. Столбик переправили в банк, а потом он сразу же попал в огромную сумку кассира машиностроительного завода. Был день выдачи заработной платы рабочим. Алеша тоже получил зарплату, и Динь-Даг очутился у него в кармане.

Торжественно вошел Алеша в свою комнату, где его уже давно поджидала мать, добрая и заботливая, как все матери, уже немолодая женщина.

— Что же ты, Алешенька, задержался? — спросила мама. — Обед остывает. Я беспокоилась.

Алеша улыбнулся, поцеловал мать и положил на стол деньги, все до последнего пяточка. У матери, как и ожидал Алеша, выступили слезы, и она, в свою очередь, крепко поцеловала сына.

Вот при каком маленьком и в то же время большом торжестве присутствовал Динь-Даг.

Лежа на столе, Динь-Даг огляделся. Чистенькая, светлая, любовно убранная, не очень большая, но и не очень маленькая комната ему понравилась. Очевидно, все обитатели комнаты любили свое жилище и старались сделать его уютным.

«Побольше бы пожить в этой славной комнатке, у этих хороших людей, — подумал Динь-Даг. — Наверное, этот паренек Алеша не будет зажимать меня в тиски и пилить напильником, как это сделал Виталька Голубков». Подумал так Динь-Даг потому, что заметил привинченные к другому столу маленькие слесарные тиски.

Но на Витальку он не обижался. Он знал, что Виталька был маленьким и не понимал, что делает неправильно, зажимая в тиски монету.

Алеша ел суп и восторженно рассказывал матери о своем заводе, о том, как он сегодня подгонял какие-то очень сложные детали для автовоза. А потом Алеша спросил:

— Мама, можно мне сегодня сходить в цирк?

— Сходи, Алешенька, сходи, — ласково ответила мать. — Ты и то все вечера сидишь дома со своими чертежами.

Когда наступил вечер, Алеша взял из полученных им денег одну бумажку и всю мелочь и отправился в цирк.

— Как жалко, — сказал Динь-Даг с грустью. — Конечно, он истратит нас на папиросы, лимонад или мороженое...

— Он не курит, — отозвался сосед Двугривенный. — У них дома я не видел даже пепельницы.

Другой, видимо, более мудрый и опытный Двугривенный скептически поморщился и сказал:

— Однажды один мальчишка выпросил деньги на кино, а сам отдал меня и моего приятеля в табачном киоске за пачку папирос.

— А не все ли равно, за что тебя отдадут, — равнодушно сказал Гривенник, — за папиросы, за пиво или за конфеты.

Потом все замолчали, ожидая своей участи. Но, видимо, никому не хотелось расставаться с симпатичным Алешей.

Вдруг послышалась красивая музыка.

— Теперь можете быть спокойны, — сказал Гривенник. — Это марш на выход. Началось представление. Здесь деньги тратить нельзя. Я уже бывал в цирке.

— Да, но ты забыл, что в цирке во время представления бывают антракты, — возразил умудрённый опытом Двугривенный.

Вскоре режиссёр манежа действительно объявил перерыв.

Алёша поднялся и вышел в фойе. И тут друзья-монеты услышали то, что они слышали множество раз: «С вас...» Они насторожились: сколько же потребуют с Алёши?

— Рубль тридцать.

Вместе со своими друзьями Динь-Даг оказался на Алёшиной ладони. Он увидел, что Алёша, стоит у лотка мороженщицы, очень похожей на тётю Катю, в тарелке которой он уже побывал. Но Динь-Даг не успел рассмотреть, была ли это тётя Катя или другая продавщица, и снова упал в Алёшин карман. С ним упали и остальные монеты, кроме Двугривенного и Гривенника. Мудрый Двугривенный остался в кармане.

Сидя в кармане, Динь-Даг и его друзья только слышали музыку, объявления очередных номеров и шумные рукоплескания. Должно быть, в цирке творилось что-то очень интересное.

Вот режиссёр металлическим голосом Полтинника объявил:

— Выступает единственный в своем универсальном жанре знаменитый иллюзионист, жонглер и дрессировщик Герман Пинетти со своими ассистентами.

Зрители бурно аплодировали и кричали.

— Хотя бы одним глазком взглянуть, что там происходит! — сказал Динь-Даг и обратился к мудрому Двугривенному: — Скажите, а вы когда-нибудь видели цирковое представление?

— Нет, — ответил старший брат. — И я думаю, ни одна монета не видела, потому что если мы и попадаем в цирк, то всегда сидим в карманах, кошельках или дамских сумочках. Я считаю, что это несправедливо...

Но только успел он это сказать, как Динь-Даг услышал совсем близко голос женщины:

— Молодой человек, у вас найдется какая-нибудь монета? Гражданин, у кого есть серебряные монеты?

Произошло невероятное. Алёша вытащил Динь-Дага и отдал женщине. Ничего не соображая, Динь-Даг, ослепленный ярчайшим светом, вдруг очутился в самом центре цирковой арены. Столько света, блеска, красоты Динь-Даг, кажется, еще никогда и нигде не видел. И весь цирк вокруг арены был заполнен народом.

Лилась нежная музыка. Со всех сторон на арену смотрели огромные глаза юпитеров. Люди на арене были в самых разнообразных костюмах — красных, голубых, зеленых, черных, белых, золотистых и серебристых. И, кроме людей, тут прыгали собаки, разгуливали кошки, хлопали и свистели крыльями голуби, поднимали хохолки, что-то бормотали попугаи. Странное, пестрое, невиданное было это зрелище.

Женщина протянула горсть монет высокому, красивому, но несколько мрачноватому мужчине в черном фраке и цилиндре. Это и был знаменитый артист цирка Герман Пинетти.

Герман Пинетти поиграл горстью серебра на ладони, показывая монеты публике. Монеты подпрыгивали и звенели. Подпрыгивал и позвякивал и Динь-Даг.

И вдруг фокусник, сжав кулак, быстро опустил руку и с силой швырнул горсть монет вверх к куполу. На глазах у зрителей серебряная мелочь брызнула во все стороны высоким фонтаном. В эту секунду мощно грянула музыка, и в ту же секунду погас свет. Только в двух лучах блестели летящие серебряные монеты. Свет сразу же вспыхнул. Музыка, как обрезанная, умолкла. И все монеты с мелодичным звоном покорно опустились на ладонь фокусника. Пинетти снова поиграл монетами, показывая их публике, и передал своей помощнице.

Цирк взорвался аплодисментами, а женщина пошла в ряды зрителей и стала раздавать монеты их владельцам.

— У вас, молодой человек, было пятнадцать копеек, — сказала она, останавливаясь перед Алешей. — Пожалуйста, получите свою монету!

Но она отдала Алеше не Динь-Дага, а совсем другой пятиалтынный. Возмущенный Динь-Даг пискнул-звякнул:

— Меня нужно отдать, меня!

Но на его протест никто не обратил внимания. А Алеша положил в свой карман «чужака». Он, должно быть, и в самом деле думал, что ему вернули именно ту монету, какую он отправлял фокуснику на арену.

— Спасибо, — сказал Алеша. — Я сохранию эту монетку на память о замечательном искусстве Германа Пинетти.

Алеша был в восторге, а Динь-Даг при его этих словах даже задрожал от горя и гнева. Ведь это его, Динь-Дага, должен был сохранить добрый и наивный Алеша. Кроме того, ведь монеты никуда не взлетали. Просто они ловко и незаметно для зрителя были опущены в потайной карман фокусника, а потом так же ловко и незаметно извлечены оттуда. В воздухе же сверкал световой фонтан из несуществующего серебра.

И Динь-Даг никуда не взлетал. Иначе он упал бы куда-нибудь на ковер. Он, как и другие монетки, только побывал в потайном кармане ловкого фокусника. Но как об этом рассказать зрителям?

А удовольствие Динь-Даг все-таки имел — он посмотрел цирк, народ и чуточку представления.

Помощница чародея передала Динь-Дага какой-то нарядной зрительнице, а та равнодушно сунула его в лакированную сумочку, насквозь пропахшую духами. Динь-Даг, должно быть, устал и потому преспокойно уснул на батистовом платочке.

Проснулся он только в трамвае, небрежно переброшенный с мягкого батистового платочка в жесткую, переполненную деньгами сумку кондуктора.

А Алеша в это время уже сладко спал и в восхитительном сне видел построенный им могучий межпланетный корабль.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Жил в этом северном портовом городе доктор Степан Ермолаевич. В городе он был известен, даже знаменит. Стоило Степану Ермолаевичу появиться на улице, как его немножко старомодная касторовая шляпа уже почти не опускалась на большую плешивую голову. Его все приветствовали — дети, пожилые люди и старики. Он раскланивался, держа шляпу в руке. Старый доктор жил здесь много лет, и его в лицо знал весь город.

Степан Ермолаевич был человеком строгим и в то же время очень добрым и приветливым. Как-то странно уживались в его душе жесткость и нежность. Он был главным хирургом больницы. И работая с ним, молодые врачи, сестры и сиделки-нянюшки знали и слезы и радости.

Было уже за полночь. Степан Ермолаевич и его ближайший друг молодой профессор в домашнем кабинете доктора играли в шахматы. Выиграв друг у друга по одной партии, противники уже играли третью, решающую. Они вошли в азарт, и у каждого в голове строились грандиозные планы.

— Вот сейчас-то я вам устрою! — воскликнул Степан Ермолаевич и далеко передвинул свою ладью. Он весело, по-детски улыбался.

— А я вам шах объявляю, коллега, — ответил профессор и рванулся буйногривым конем к докторскому королю.

Степан Ермолаевич задумался, и в это время зазвонил телефон. Доктор знал: в такой поздний час могут звонить только из клиники. И он не ошибся. В больницу поступил в тяжелом состоянии новый больной. Требуется срочная операция.

— Присылайте машину, — сказал Степан Ермолаевич в трубку. — Как — нет машины? Ах, шофер заболел? Ну, ладно, приду пешком. Такси не надо, надеюсь вашего такси.

Он положил трубку и встал.

— Завтра доиграем. Или, может быть, сейчас сдадитесь? — лукаво спросил доктор.

— Нет, — не согласился профессор. — Все преимущества на моей стороне. Уж будет вам, коллега, будет!.. Значит, оперировать? Возьмите меня с собой ассистентом.

— Куда вы? — изумился доктор. — Пешком идти надо, наш шофер заболел. И правильно. Шофер имеет право болеть, а мы, лекари, болеть не имеем права. Это уж совсем плохо, когда врач болеет. Парадокс!

Ну, пойдете, если хотите. Только, может быть, надолго застрянем. Человек в тяжелом состоянии! Человек!

Они вышли на улицу, притихшую и пустынную. Чуть прихрамывая, Степан Ермолаевич рассказывал молодому профессору, как он в давние времена работал земским врачом и пешком исходил весь уезд. В городе была тишина, и два друга спокойно шли и мирно беседовали...

Но вдруг...

— Доктор, — радостно крикнул профессор, — трамвай идет!

И в самом деле, их нагнал трамвай.

— Вот это удача! — восхитился Степан Ермолаевич, подавая кондуктору рубль. — словно специально для нас подали.

Сонная кондукторша не обратила внимания на слова доктора и вместе с билетами подала ему сдачу. Она ведь и не подозревала, куда торопятся эти два человека. Она была молодая, здоровая и никогда не ходила по врачам. Должно быть, потому кондукторша и не знала Степана Ермолаевича.

А доктор положил билеты и сдачу в карман, сел на лавочку и продолжал рассказывать молодому профессору о своей врачебной практике в молодости. Он не знал, что в кармане его плаща сидит великий путешественник Динь-Даг.

Из обрывков разговора доктора и профессора Динь-Даг понял, что эти двое людей едут спасать человека. «Значит, и я увижу, как они будут делать операцию», — подумал Динь-Даг с восторгом.

Но, конечно, он ничего не увидел, потому что остался в кармане плаща доктора, а плащ был отнесен гардеробщицей в раздевалку.

Операция продолжалась так долго, что Динь-Даг устал ждать. А ему очень хотелось узнать, сумеют ли врачи спасти жизнь человека, хотя он не знал, кто этот человек. Может быть, это был пожилой рабочий или служащий, может быть, совсем маленький мальчик или девочка. Главное — был человек, и его нужно было спасти, а потом вылечить. Это понял Динь-Даг из разговора доктора с профессором и с другими врачами.

Только через два часа доктор и профессор вышли из операционной. Степан Ермолаевич смертельно устал, на его побледневшем лице выступили мелкие капельки пота.

— Вам плохо? — встревоженно спросил профессор.

— Нет, ничего, — ответил доктор, надевая плащ. — Что-то сердце... но ничего, ничего... А этому крановщику еще жить и жить. Здоровый организм — это важно! Обратили внимание? Он сам, словно новый кран, высокий, крепкий. Такой нелегко согнуть.

«Операцию делали какому-то рабочему, крановщику», — догадался Динь-Даг.

Вскоре доктор и профессор в автомашине ехали домой. Одна из сестер хотела проводить доктора, но Степан Ермолаевич наотрез отказался от её услуг.

— Вам за больными нужно ухаживать, а не за врачами, — строго сказал он и отправил сестру в больницу.

Дом, где жил молодой профессор, находился на половине пути к дому доктора.

— Я довезу вас, — предложил профессор.

— Нет, нет, — запротестовал Степан Ермолаевич. — Уже поздно. Вам завтра нужно рано в свою клинику. Спасибо! Я хорошо доеду один. А завтра вечером заходите, доиграем партию.

— Это уже будет сегодня. Сейчас три часа ночи. До свидания, коллега!

— Да, это уже сегодня, — вспомнил Степан Ермолаевич. — Все равно приходите! — и он помахал слабеющей рукой своему другу.

У своего дома он вышел из машины, и машина моментально умчалась. А доктор так и остался стоять на тротуаре. Он вдруг почувствовал, что не может сделать и одного шага. Казалось, чьи-то холодные пальцы вцепились в сердце. Снова выступил пот.

Доктор закрыл глаза и покачнулся, но устоял. Он вынул платок и осторожно вытер лоб. И он не заметил, как вместе с платком из кармана вылез Динь-Даг, упал на мостовую и откатился в сторону.

Крошечными шагами, не поднимая ног, Степан Ермолаевич кое-как дотащился до подъезда и присел на ступеньку. «Врач не может болеть», — вспомнил он и снова закрыл глаза. Голова его вдруг наклонилась, словно доктор кому-то поклонился, а тело повело в сторону, и он упал на ступени, не издав ни звука.

Накрапывал тихий ночной дождь. На мокрой мостовой валялся одинокий Динь-Даг. Уже уснул в своей квартире молодой профессор. В больнице, к радости дежурных, врача и нянюшек, пришел в сознание после операции крановщик. В квартире доктора застыли на доске в прерванной партии шахматные фигуры. Они так и не дождались своего хозяина. А жизнь на земле продолжалась.

«СЧАСТЛИВЫЙ»

Всю ночь до утра Динь-Даг пролежал на голой, мокрой от дождя мостовой. Лежать было тоскливо и холодно. Было жалко старого доктора, который ночью бросился спасать человека, совсем не думая о себе, и умер от жестокого сердечного приступа.

Редко-редко проходили по улице люди. Но никто не видел Динь-Дага, и никому до него не было дела.

Забыв о дожде, медленно шли, обнявшись, юноша и девушка. Юноша говорил о вечной любви, а девушка спрашивала, что такое — вечная любовь,

и смеялась. Юноша уговаривал свою подругу поехать с ним в Сибирь на большое строительство, где они будут работать и учиться, а девушка не соглашалась. Ей нравился родной город — здесь тоже можно работать и учиться.

Благодушно настроенный старик шел по мостовой и рассуждал сам с собой.

— Ну вот... Сашка мой, это сын, значит, мой, — объяснял кому-то старик, — Сашка сто раз по пятнадцать получает. Это, значит — полторы тысячи. Арифметика! Сашка пришлет... Да Веруха, дочка, пришлет... да пенсия. Вот я и сыт, старый...

Старик остановился. Он увидел Динь-Дага. Хотел нагнуться, потом раздумал и засмеялся:

— А на что ты мне, пятиалтынный? Мелочь ты! Ничего я не куплю на тебя. Не могу же я тащить тебя в милицию как находку. Некогда мне... А Сашка мой сто раз по пятнадцать получает. Понимаешь? Сто раз по пятнадцать! Да не копеек твоих, а рублей! Не нужно ты мне, такое серебро...

Старик перешагнул через Динь-Дага и пошел своей дорогой.

А Динь-Даг обиделся. Он даже чуть не позеленел от злости и с горечью подумал: «Быть бы мне хоть рублем, тогда старик не перешагнул бы через меня!»

Перебегала кошка через дорогу, заметила Динь-Дага, потрогала лапой, понюхала: невкусно. И побежала дальше.

Мчалась на бешеной скорости машина, закрутила Динь-Дага колесом и подбросила высоко вверх. Динь-Даг больно ударился об асфальт, жалобно звякнул и остался лежать.

Вышла под утро близорукая дворничиха, взмахнула метлой и, сама того не заметив, загнала Динь-Дага на край мостовой.

Давно Динь-Даг не чувствовал себя таким одиноким, брошенным и беспомощным. А город уже проснулся. Люди вышли на улицы и спешили по своим делам. На стройке многоэтажного дома подъемный кран уже разворачивал свой длинный хобот. Со стороны гавани доносились призывные гудки пароходов и теплоходов.

Дождь давно кончился, и асфальт посверкивал солнечными блестками.

Неизвестно, сколько бы времени пролежал Динь-Даг на мостовой, если бы его не заметил и не подобрал двенадцатилетний школьник Вася Чижиков.

Шел Вася по улице, а ходить он предпочитал больше не по тротуару, а по мостовой, и то не по прямой, а замысловатыми зигзагами. Торопиться Васе было некуда. Он шел и зевал по сторонам. И вдруг видит: лежит и сверкает дождевой капелькой монетка. Конечно, Вася поднял её.

Мальчик тщательно исследовал монетку, заметил Виталькину зазубринку, но подумал совсем о другом. Подумал он о том, что неплохо бы найти не одну такую монетку, а, например, десять. Тогда Вася мог бы пойти в кино или купить себе порцию мороженого. На всякий случай он внимательно осмотрел то место, где лежал Динь-Даг, но, конечно, ничего больше не нашёл. «И почему люди так редко теряют деньги?» — пожалел Вася, а сам запрятал найденную монету подальше, чтобы не потерять.

Минут пять Вася шёл и смотрел только на мостовую. Ему очень хотелось найти другие монеты. Но потерянные монеты, должно быть, закатились куда-нибудь очень далеко и прятались от Васи, а может быть, они просто сегодня вообще не терялись. Словом, случилось так, что Вася дошёл до своего дома и ничего больше не нашёл.

У ворот дома, где жил Вася, стояли два мальчика. Это были приятели Васи — Игорь и Боря, его одноклассники.

— Смотрите, ребята, что я нашёл! — сказал Вася и показал друзьям Динь-Дага.

— Подумаешь, — усмехнулся Игорь, — пятнадцать копеек! У меня семьдесят копеек, и то я не знаю, что с ними делать.

— Я её нашёл, — возразил Вася. — Значит, она счастливая!

Игорь был известен среди ребят как великий упрямец и спорщик. Он как будто бы ожидал этих слов Васи о счастливой монете.

— Ха-ха! — засмеялся Игорь. — Счастливая! А ну-ка, посмотрим, какая она счастливая, твоя денюга. Пойдём сыграем.

Вася, конечно, отлично знал, что играть в деньги строго-настрого запрещено. Но ему очень хотелось узнать, счастливая ли монета, которую он нашёл. А проиграть её Васе совсем было не жалко. Ведь она досталась ему просто так, без всякого труда.

— Пойдём! — весело и решительно согласился Вася.

Мальчики расположились на солнышке, на весёлом месте, у стены соседнего дома. Они чувствовали себя в безопасности. Их укрывали кусты смородины, густо разросшиеся около дома. Кроме того, все отцы и почти все матери уже ушли на работу и по другим разным своим делам.

Динь-Дагу игра мальчишек не только не понравилась, но он просто был возмущён такой варварской игрой. Ребята изо всей силы ударяли монетами о стену. Монеты жалобно звенели и падали на землю.

— Моя! — кричал Вася. — Я говорил, мои пятнадцать копеек счастливые!

И в самом деле, Вася скоро на своего Динь-Дага выиграл почти все деньги, какие были у Игоря и Бори. Динь-Даг словно магнитом притягивал в Васин карман другие монетки.

— Вот он, мой счастливый! — хвастался Вася. — Я говорил вам, что моя монета счастливая! — И он любовно поглаживал Динь-Дага.

Но Динь-Даг не был в восторге от такой ласки, потому что через минуту он по воле своего владельца опять больно ударился о стену и падал на грязную землю.

Один раз Динь-Даг упал в какую-то ямку. Ребята заспорили. Игорь требовал, чтобы Вася ударил ещё раз, а Вася отказывался.

— Вот он какой у меня счастливый! — кричал Игорь. — А попробуй ещё раз! Трус...

— Это ты трус! — крикнул в ответ Вася. — А я не трус, вот смотри! — И он ещё раз с силой ударил Динь-Дагом о стенку. — Видишь, моя монета счастливая! Давай свои пятнадцать копеек.

В споре ребята не заметили, как к ним подошла учительница.

— Хороши школьники, нечего сказать! — строго сказала учительница. — Сейчас же отдайте мне все деньги! Я поговорю с вашими родителями. Стыдно!

Потупив головы, стояли перед учительницей ребята и молчали. Делать было нечего — деньги пришлось отдать.

Учительница ушла, унося с собой ребячьи деньги, в том числе и «счастливого» Динь-Дага.

ПРАЗДНИК

Вася знал: теперь придётся держать ответ перед родителями. Конечно, родителей вызовут в школу. А потом Вася будет стоять, потупив взор, перед отцом и матерью и слушать упрёки, угрозы и всякие нравоучения. А потом последует наказание — Вася надолго останется без кино.

Дёрнуло же его согласиться играть! Вот тебе и счастливая монета! И зачем только Вася её нашёл?! И надо же было в самый неожиданный момент, когда ребята спорили, появиться учительнице! Это всё потому, что Игорь громко кричал.

В школу родителей не вызывали. Учительница сама пришла к Чижиковым.

— Марья Ивановна, — сказала учительница Васиной матери, — ваш сын играл в деньги. Поговорите с ним, пожалуйста. Эти деньги я отобрала у него.

Учительница положила на стол горсточку монет, среди которых был и Динь-Даг.

Когда приходила учительница, Васи дома не было. Грустно бродил он по улице, давая себе слово никогда больше не играть в деньги. Он вообще оттягивал неприятное возвращение домой.

Но домой идти всё-таки пришлось. Мать вначале ничего не сказала Васе. Но он увидел на столе горстку монет и сразу догадался, что учительница приходила к ним.

Вася сел на стул, пригорюнился и стал ждать, когда мать начнёт его ругать.

«Вот так тебе и надо! — злорадно подумал Динь-Даг о Васе. — Мы, деньги, существуем не для того, чтобы нами швырялись, чтобы нас избивали о кирпичные стены. Мы помогаем людям жить и требуем к себе уважения. Правильно будет, если тебя накажут!»

— Где ты взял эти деньги? — наконец спросила мать.

— Я их нашёл, — ответил сын, медленно поднимая голову.

— Где нашёл?

— Я шёл по улице и нашёл пятнадцать копеек.

— Но ведь здесь не пятнадцать копеек, а целый рубль мелочи, — возразила мать.

— Остальные я... выиграл у Игоря и у Борьки.

Разговор для Васи тянулся мучительно долго. Он, конечно, пообещал в деньги не играть. Мать дала ему поесть. Но впереди ещё предстоял разговор с отцом.

Перед приходом отца Вася пытался ускользнуть из дому, но это ему не удалось. Мать легко разгадала замысел сына и предупредила:

— Будешь сидеть дома, пока не придёт папа.

Отец пришёл не один, а со своими товарищами по работе. Это обрадовало Васю. При гостях, конечно, очень ругать его не будут.

— На улице такая благодать! — сказал Павел Павлович, молодой каменщик, которого Вася особенно любил. — Чего же ты дома сидишь?

— Меня не отпускают, — признался Вася.

— Провинился? — догадался Павел Павлович.

Вася с тоской посмотрел на Павла Павловича, опустил голову и промолчал.

— Что же ты наделал? — допытывался Павел Павлович. — Говори, какое страшное преступление совершил? Стекло разбил? Вареньем без спросу полакомился? Собаку дразнил?

— Я в деньги играл...

Павел Павлович нахмурился.

— Да-а, — задумчиво сказал он, — это плохо. Это не годится. Но...

Павел Павлович не договорил. В это время вернулся отец, который ходил в магазин. Он принёс какие-то свёртки.

«Это, должно быть, колбаса, консервы, копчёная рыба, а может быть, и конфеты», — подумал Вася и на мгновение забыл о своих горестях.

С кухни пришла мать, стала накрывать на стол и, вспомнив о проступке сына, пожаловалась отцу:

— Василия нужно наказать. Вот уже до чего дошёл — в деньги с мальчишками играет. — Она взяла со стола монеты и передала мужу.

Отец сердито посмотрел на Васю, но промолчал. Потом он сел за стол рядом с Павлом Павловичем и другим своим товарищем.

— У нас сегодня праздник, — объявил он весело. — Счастье твоё, сынок: не хочется портить настроение, а то бы скучно тебе не было!

— Получка — праздник? — рассмеялась мать. — Таких праздников в году много бывает.

Вася тоже подумал: какой же сегодня праздник? Был бы у него праздник, да вот провинился он. А то с получки отец непременно ему дал бы деньги на кино. Но сейчас и думать об этом было нечего.

— Нашей бригаде присвоили звание бригады коммунистического труда, — сказал отец. — Вот какой у нас сегодня праздник! Иди и верни деньги ребятам, у которых ты выиграл, ты их не заработал, значит, они не твои.

Вася взял деньги и некоторое время постоял. Уходить от интересного разговора и тем более от вкусных вещей, которые лежали на столе, не хотелось.

Тогда он спросил:

— Папа, а при коммунизме денег не будет?

— При полном коммунизме денег не будет, — подтвердил отец. — Тогда они будут ни к чему.

Вася ещё хотел что-то спросить, но отец потребовал, чтобы он поскорее возвратил деньги ребятам и также поскорее возвращался домой. И Вася вышел на улицу.

Между тем Динь-Даг, услышав слова Васиного отца, страшно удивился. Не будет денег, значит, не будет и его, Динь-Дага!

А Вася словно почувствовал это удивление Динь-Дага и других монет, зажатых в его кулаке. Он тряхнул монетами и громко и торжественно произнёс:

— Да, вас уже тогда не будет. Будете вы только в музеях да у коллекционеров.

Развесёлый, он побежал к Игорю и к Боре и отдал им деньги. Те, конечно, тоже удивились. Выигранные деньги ещё никто никогда не возвращал. Они с недоумением смотрели на Васю, а тот им объяснил:

— Во-первых, бригаде, где работает папа, присвоили звание бригады коммунистического труда и у нас сегодня праздник. Во-вторых, эти деньги я не заработал, они ваши, забирайте их. В-третьих, скоро будет коммунизм, и тогда денег совсем не будет.

Так сказал он своим товарищам и поскорее убежал домой.

А дома его угостили колбасой, чаем и конфетами. И он слушал разговор отца с гостями о работе бригады на строительстве и о будущей счастливой жизни, которая называется коммунизмом.

ПОДАРОК

Стоял в порту большой и красивый теплоход «Волга». Работал на этом теплоходе молодой штурман по имени Петр, по фамилии Ершов.

В субботний вечер Петр Ершов решил отдохнуть в городе. Он очень любил танцевать. А так как морякам танцевать приходится не часто, а «Волга» через два дня должна была выходить в море, то Петр никак не мог отказать себе в этом удовольствии. В кармане у Петра уже был пригласительный билет.

Надев плащ и шляпу, он осмотрел себя в зеркале и остался собой доволен. С таким молодым штурманом, будущим капитаном, любая девушка согласится на тур вальса. Пошарив в карманах, Петр вдруг обнаружил, что у него нет мелких денег. Он зашел в соседнюю каюту к товарищу.

— Одолжи мне, пожалуйста, пятьдесят копеек, — попросил он.

— Сумма солидная, — усмехнулся товарищ. — Вот на столе, возьми. А куда это ты собрался?

— На свидание.

— И на пятьдесят копеек думаешь преподнести подарок своей девушке? — съехидничал товарищ, которому, конечно, тоже хотелось побывать в городе. Но ему нужно было заступать на вахту.

— Мне некогда с тобой болтать, — серьезно сказал Петр Ершов.

— Я еду в интерклуб. Счастливо оставаться!

— Желая познакомиться с доброй феей! — крикнул вдогонку товарищ и позавидовал Ершову.

Падая в глубокий карман и сталкиваясь с другими монетами, наш знакомый Пятиалтынный вежливо представился:

— Динь-Даг!

Вчера Игорь и Боря купили на возвращённые им деньги конфет. Динь-Даг оказался в киоске, в жестяной коробке, а через десять минут продавщица отдала его на сдачу моряку теплохода «Волга».

Сейчас, упав в карман плаща Петра Ершова, Динь-Даг почувствовал прикосновение к себе какого-то листка плотной бумаги. Если бы Динь-Даг был грамотным, то он прочитал бы, что написано на этом листке. А написано там было вот что:

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Дорогой товарищ Ершов!

Клуб моряков приглашает Вас на вечер встречи с иностранными моряками.

В программе вечера: лекция, концерт, танцы.

Начало в 19 часов.

Впрочем, если бы Динь-Даг и был грамотным, то в темноте все равно читать было невозможно.

Когда в веселом настроении Петр Ершов, минув трап, прыгнул с борта на причал, Динь-Даг отрекомендовался и билету, звонко назвав свое имя. Пригласительный билет чуть слышно что-то прошелестел. Однако Динь-Даг не знал бумажного языка и, конечно, ничего не понял.

Пассажиров в автобусе было мало, и Петр сел на свободное место. Но на следующей остановке пассажиров вошло так много, что автобус моментально заполнился. К карману Петра плотно прижалась клеенчатая, разбухшая от провизии сумка. Монетам в кармане стало очень тесно, и они перессорились. Каждой хотелось захватить удобное местечко. Динь-Даг отчаянно отбивался от наседавших на него пятаков и двугривенных. Но тут он услышал голос Ершова:

— Садитесь, гражданка, пожалуйста!

Петр встал, уступив свое место женщине. Вежливость молодого моряка устыдила Динь-Дага. Он отодвинулся, тоже уступив место старшей монете.

— Спасибо! — сказала женщина Ершову.

— Спасибо! — звякнула монета Динь-Дагу.

Ярко освещенный и украшенный флагами разных наций, клуб моряков походил на сказочный дворец. В клубе было шумно, но вечер еще не начинался. Кроме русских здесь было много иностранцев — англичан, немцев, норвежцев, шведов, датчан. В ожидании Петр Ершов отправился в буфет выпить бутылку лимонада.

Едва он успел наполнить стакан шипучим напитком, как к нему за столик подсел пожилой иностранец. Он что-то сказал Ершову, но тот, не зная никаких языков, кроме русского, ничего не понял. Тут Петру пришлось пожалеть, что и в школе, и в мореходном он всегда плохо учился по английскому языку.

На помощь пришла переводчица, миловидная девушка Лида.

— Он англичанин, его зовут Питер Питт, — сказала Лида. — Он спрашивает, плаваете ли вы и кем. Бывали ли вы в Англии?

— Я плаваю штурманом на теплоходе «Волга», — смущенно ответил Петр. — Зовут меня Петр Ершов. В Англии я не бывал.

Лида перевела слова Петра. Англичанин заулыбался.

— Вы, Петр, а он Питер, — Лида тоже улыбнулась. — Он говорит, что рад познакомиться с тезкой. Он удивлен тем, что вы такой молодой и уже штурман.

С помощью переводчицы Петр Ершов и Питер Питт еще немного поговорили, а тут послышался звонок, приглашающий в зал.

Англичанин вытащил из галстука булавку с самоцветиком и протянул Петру.

— Питер Питт дарит вам эту булавку на память, — пояснила Лида. — Он тоже просит что-нибудь подарить ему на память и на дружбу. Он коллекционер и просит, если можно, подарить ему русскую монету.

Ершов запустил руку в карман и вытащил Динь-Дага.

— Сэнк ю! — сказал Питт и подал Петру руку.

Эти слова Петр знал. Они означали «благодарю вас!». Англичанин долго рассматривал монету и, довольный, улыбался. Конечно, он видел такие монеты, но это был сувенир, подарок от русского моряка.

Питер Питт плавал матросом на пароходе «Элизабет». После концерта, когда Петр Ершов со своей новой знакомой, переводчицей Лидой, кружился в плавном вальсе, Питер Питт нес в своем маленьком бумажнике Динь-Дага, как драгоценность, на свое судно.

В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

Пароход «Элизабет», на котором служил Питер Питт, нагружен лесом и вышел в море. Пароход шел в английский порт Ливерпуль.

В первые дни плавания на море было тихо. В свободное время Питер иногда вытаскивал из своего бумажника Динь-Дага, любовно рассматривал его и рассказывал другим морякам о своем знакомстве с русским моряком. Все его товарищи знали об увлечении Питера коллекционированием монет. Они посмеивались над Питером и говорили, что предпочитают иметь побольше шиллингов, то есть английских денег, на которые дома можно купить новый костюм и шляпу, съесть в ресторане большой бифштекс и выпить побольше вина и пива.

Но шиллингов у моряков было мало. Зато почти у всех были большие семьи, и эти семьи нужно было кормить. У Питера тоже была семья — жена и трое детей, — и денег, которые он получал, едва-едва хватало на пропитание.

Пароход спокойно шел по морю. И, когда Питер Питт вынимал из бумажника Динь-Дага, наш герой снова вспоминал свою песенку и торжественно напевал её:

Я путешественник великий..

А ведь и правда теперь Динь-Даг как будто бы стал настоящим путешественником. До сих пор он только путешествовал в одном городе —

в карманах пешеходов, в трамваях и иногда в автомашинах, — а сейчас он плыл на большом пароходе по необъятному морю.

Но вот с северо-запада подул ветер. И с каждым часом ветер усиливался, а вскоре перешел в яростный шторм.

Надо сказать, что «Элизабет» была старым пароходом, уже многие десятки лет послужившим своим хозяевам. Судно было не в силах бороться против свирепого шторма. Сколько ни сопротивлялась команда, «Элизабет» потеряла управление, и её понесло на песчаные отмели.

Радист непрерывно подавал сигналы о бедствии — известные всему миру буквы SOS – «Спасите наши души».

Спасти пароход не было никакой надежды, и моряки уже надели спасательные пояса. Все с ужасом ожидали страшного конца.

Пароход налетел на отмель с такой силой, что Питер не удержался на ногах. Но ему удалось ухватиться за трос, и потому огромная волна, сразу же набросившаяся на пароход, не смыла его с палубы.

Машины уже совсем не работали. И волны одна за другой все больше набивали пароход на мель.

Между тем, приняв сигналы с «Элизабет», на помощь уже спешило другое судно. Это был советский теплоход «Волга», тот самый, на котором работал новый знакомый Питера Питта, штурман Петр Ершов. «Волга» вышла из порта несколькими часами позднее «Элизабет», направлялась в Англию и двигалась тем же курсом.

Стащить, или, как говорят моряки, снять с мели, большой пароход — дело очень трудное. Но особенно это трудно, когда свирепствует шторм, кругом — ночная темнота, а коварная отмель прячется под ревущими волнами. Подойти слишком близко опасно. А «Элизабет» врезалась в отмель очень сильно, да еще вдобавок получила пробоину.

С рассветом было решено переправить английских моряков на борт «Волги». К тому времени шторм немного утихомирился. Спустили шлюпки, и, рискуя жизнью, советские моряки перевезли англичан на свой теплоход.

Так произошла вторая встреча штурмана Петра Ершова и матроса Питера Питта.

Во время шторма и аварии Динь-Даг преспокойно лежал в бумажнике Питера. Он, конечно, даже не предполагал, какая грозит опасность команде, в том числе Питеру и, значит, и ему, Динь-Дагу.

Советский штурман и английский матрос долго и дружески жали друг другу руки. Все-таки встреча была необычайной и неожиданной — в море, в штормовую погоду, на палубе советского теплохода. А ведь с их первой встречи в светлом и уютном интерклубе прошло всего несколько дней.

Питер вспомнил о подарке штурмана и достал Динь-Дага. И еще раз крепко, с благодарностью пожал руку Ершова.

Он повторил слова, сказанные при первой встрече:

— Вы такой молодой и уже штурман, а я плаваю двадцать лет и все матросом. Я тоже мечтал быть штурманом, капитаном. — И с горечью добавил: — А теперь я, пожалуй, потерял и работу матроса... Когда я наймусь на другой пароход, этого никто не знает...

«Волга» прибыла в английский порт Ливерпуль, и английские моряки покинули теплоход. Петр Ершов и Питер Питт дружески распрощались и пожелали друг другу счастья в жизни.

Вскоре, закончив разгрузку и погрузку, «Волга» ушла из Ливерпуля, а Питер Питт все эти дни слонялся по порту и искал работу. Но матросы нигде не требовались.

И, хотя советский штурман искренне пожелал Питеру счастья, это счастье упорно не хотело улыбаться матросу.

Заработанных в последнем рейсе денег хватило на очень короткое время. А дети хотели есть ежедневно. Кроме того, им нужны были одежда и обувь.

Мрачный возвращался Питер после тщетных поисков. И одно утешение находил он дома — в своей коллекции монет. Вместе с шестилетним сынишкой Джонни он перебирал и раскладывал монеты по коробочкам. Коллекция была небольшая, но и для отца и для сына она являлась драгоценностью.

Маленький Джонни смотрел на монеты, как на чудесные маленькие игрушки, тем более что у Джонни настоящих игрушек почти не было. Питеру же каждая монета напоминала о каких-то определенных днях его жизни, о странах и городах, где он эти монеты приобретал.

Но с каждым днем семье Питтов жить становилось все труднее и труднее. И наконец наступило утро, когда в доме не оказалось ни пенса. Не на что было купить хлеба, не говоря уже о мясе, зелени, сахаре. А еще нужно было уплатить за квартиру.

— Если бы у нас было что-нибудь продать! — со вздохом сказала жена Питеру. — В доме нет ни одной лишней вещишки.

И все-таки в тот день она продала свое единственное приличное платье. Продала дешево, потому что таких платьев, да еще совершенно новых, было много в магазинах. И денег от продажи платья хватило всего на два дня.

Эти два дня Питер Питт мучительно раздумывал. И он решился. Потихоньку от сына он сложил в карманы коробочки с монетами. Сложил и пошел в магазин «Филателия и нумизматика». Иного выхода у Питера не было. Не мог же он продать свои последние, к тому же изрядно поношенные ботинки. Как ни жалко, как ни больно было расставаться со своей коллекцией, но все-таки без нее жить было можно. Может быть,

надеялся Питт, он снова поступит на пароход и в разных странах соберет новую коллекцию.

Немного заплатили Питеру за его маленькую коллекцию, но и этому безработный матрос был рад. Ведь каждому хорошему человеку его семья, его дети дороже всего на свете.

Несколько монет Питер хотел оставить. Они были для него особенно дороги памятью о славных встречах со славными людьми. Но он высыпал все монеты на прилавок и спохватился лишь тогда, когда коллекцию полностью увидел хозяин магазина. Хозяин сразу же отказался купить коллекцию без отобранных позднее Питером монет. И Питер махнул рукой.

Динь-Даг остался в магазине. Он больше ничего не знал об английском моряке, который сразу же ушел из магазина. Потому о судьбе Питера Питта больше ничего не знаем и мы.

В ЦАРСТВЕ МОНЕТ

Вы, конечно, знаете, что нумизматами называют людей, коллекционирующих монеты. Вот таким страстным нумизматом был житель Ливерпуля доктор Джордж Ван-Уик. Монеты он начал собирать еще со студенческой скамьи. Когда-то, в молодости, Ван-Уик служил врачом в колониальных войсках. Он побывал во всех частях света и тогда составил основу своей огромной коллекции. Позднее, уже постоянно живя в Ливерпуле, Ван-Уик продолжал пополнять свое сокровище. Может быть, он хвастался, когда говорил, что его коллекция — одна из самых крупнейших в мире.

Но тут же надо сказать, верить или не верить доктору Ван-Уику, коллекция была прекрасная, богатейшая и разнообразная. Это мог подтвердить даже человек, который в нумизматике ничего не понимает. Нужно было только коллекцию Ван-Уика увидеть.

Вечером в тот день, когда Питер Питт побывал в магазине, туда же пожаловал доктор Ван-Уик. Он посмотрел все, что ему предложил хозяин магазина, поморщился, недовольный малым выбором, и купил три монетки. Но вдруг его взор задержался на Динь-Даге. Советские пятнадцатикопеечные монеты у доктора, конечно, были. Ван-Уика заинтересовал год чеканки монеты. Пятиалтынного выпуска такого года у доктора не было. И он приобрел Динь-Дага для своей коллекции.

Удивлению и восхищению Динь-Дага не было предела. Он попал в настоящее монетное царство. На другой день доктор Ван-Уик решил провести новую пересортировку монет. Кстати, этим доктор занимался часто — любил перебирать коллекцию, любоваться монетами, их формой, рисунком, буквами, гербами, значками, иероглифами.

Подобно Динь-Дагу, каждая монета имела свою собственную историю. Кроме того, каждая монета могла кое-что рассказать об истории страны, где

она была выпущена. Значит, монета могла рассказать и о географии своей страны, о том, где эта страна находится, какие там живут люди, на каком языке они разговаривают и чем занимаются. Так, по крайней мере, говорил доктор Ван-Уик своей маленькой внучке Дэзи, когда она спрашивала деда, для чего ему нужно так много денежек.

При пересмотре доктором лишь небольшой части коллекции на огромном столе расположились многочисленные кучки самых разнообразных монет. Были они в большинстве круглые, как Динь-Даг. Были большие и такие тяжелые, что ими впору забивать гвозди. А некоторые по величине могли сравниться с ноготком на мизинце маленькой внучки доктора. Были тут монеты и золотые и серебряные, медные и бронзовые, мельхиоровые, никелевые, алюминиевые. Кроме круглых, были монеты овальные, словно яички, квадратные, как на полу шашки, с зубчиками и без зубчиков, с отверстиями и с причудливыми вырезами на краях.

Некоторые монеты прожили на свете уже по тысяче и больше лет, а некоторые родились, то есть были отчеканены, в 1960 году. На столе у доктора расположились английские шиллинги и пенсы, русские рубли и копейки, французские франки и сантимы, американские и канадские доллары и центы, чешские, шведские, норвежские, датские кроны, немецкие и финские марки, голландские гульдены, японские иены, болгарские левы, румынские леи, греческие драхмы, итальянские и турецкие лиры, югославские динары. Словом, каких только монет не было у доктора Ван-Уика и какие только названия они не носили! Здесь, в небольшом кабинете доктора, умещался весь мир и была написана почти вся история.

С несколькими иностранными монетами Динь-Даг успел познакомиться, поболтать с ними и послушать занятные истории. Хотя все они были из разных стран, но отлично понимали друг друга, потому что разговаривали между собой на общем для них языке — на языке металла.

Чеканно-властным голосом, высокомерно разговаривал американский Доллар. Он был золотой и на другие монеты посматривал с презрением. Истории и всевозможные случаи из его жизни лишь удивляли Динь-Дага. Например, несколько раз им расплачивались за убийства людей, и этим он очень гордился. Один из случаев был такой. В какой-то газете напечатали статью о мошеннических делах одного крупного банкира. Банкир нанял за плату бандитов, и эти бандиты убили редактора газеты. Доллар, находящийся сейчас в коллекции доктора Ван-Уика, вместе с другими долларами был уплачен за убийство редактора. Теперь Доллар так и говорил: «Я дороже жизни человека!»

Однажды Доллар участвовал в выкупе похищенной гангстерами маленькой девочки. Отец девочки уплатил похитителям большую сумму,

и только тогда они вернули малытку родителям. Динь-Даг ужаснулся: как это можно воровать детей?!

— У нас, за океаном, всякие подлости возможны, — сказал американский Цент — мелкая монетка, достоинством в сто раз меньше доллара.

При этих словах своего соотечественника Доллар разъярился и заорал:

— Молчать, козявка! Как ты смеешь, нищенка, так говорить об Америке — стране доллара?!

— А кто такие гангстеры? — спросила шведская Крона.

— Когда ко мне обращаются, — опять заорал Доллар, — то добавляют слова «мистер Доллар»!

— Гангстер — это бандит, грабитель, — объяснил Цент. — Их в Америке множество...

И снова Доллар вскипел. Его поддержали английский Шиллинг, французский Франк и даже шведская Крона, которую так грубо оборвал Доллар и потребовал называть себя мистером. Монеты перессорились не на шутку.

Старый нумизмат доктор Ван-Уик свои занятия с монетами называл работой. К вечеру он и в самом деле утомился. Он собрал все монеты в особые ящички с длинными печатными наименованиями и задвинул ящички в настенные полки-ниши. На этом и закончилась ссора между монетами, вероятно, до следующего дня.

А доктор поужинал и лег отдохнуть, чтобы еще позднее заняться письмами. Он имел обширную переписку с нумизматами многих других городов и стран.

На другой день Ван-Уик с утра снова занялся коллекцией. Теперь, на склоне лет, вся его жизнь была отдана монетам.

Должно быть, монеты продолжали ссору, но свидетелем и участником её Динь-Дагу быть уже не пришлось. Доктор с утра поместил Динь-Дага в ящик с надписью «Советская Россия». И, видимо, очень долго ему пришлось бы лежать в этом ящике, если бы...

...Если бы коллекцией доктора Ван-Уика интересовался только её владелец да другие честные коллекционеры. Но, оказывается, с некоторых пор богатой и редкой коллекцией доктора заинтересовались люди, которые никогда ничего не коллекционировали и не собирались коллекционировать.

Казалось бы, какое невинное, а для некоторых просто пустяковое, не заслуживающее внимания занятие — собирание старых монет или почтовых марок. Занятие для детей. Но те люди, ничего не понимающие в нумизматике, понимали другое: коллекция доктора Ван-Уика, в которой было немало редчайших монет, стоила огромных денег. Некоторые монеты во время их выпуска, может быть, отдавались за кусок мяса или пачку табака,

за соломенную шляпу или за сандалии на деревянной подошве. А теперь они оценивались знатоками в десятки тысяч фунтов стерлингов.

И вот в то время, когда страстный коллекционер доктор Ван-Уик мирно занимался своим любимым делом — перебирал, сортировал, раскладывал по ящичкам монеты, — около дома, где он жил, бродили подозрительные люди, впрочем, весьма прилично одетые. Они бродили и строили план ограбления докторской квартиры.

Грабители уже знали, что доктор живет на втором этаже, они определили окна кабинета, где хранилась драгоценная коллекция. Они уже сговорились с полисменом, который в намеченную для ограбления ночь должен проходить по этой улице.

Ночью, когда было уже совсем темно и улица опустела, на третьем этаже отворилось окно. Это окно было как раз над окном докторского кабинета. С третьего этажа тонкой коварной змеей опустился стальной трос. Через минуту по тросу на карниз второго этажа соскользнул человек с кожаным мешком, фонариком и пистолетом. Чтобы открыть окно, опытному взломщику не потребовалось много времени.

Спустя еще некоторое время мешок, наполненный самыми различными монетами, был поднят тем же тросом на третий этаж. Аккуратно закрыв докторское окно, тем же путем вернулся на третий этаж и грабитель.

В кожаный мешок средних размеров грабитель, конечно, не мог уместить всю коллекцию доктора Ван-Уика. Но дело в том, что он имел список стран, монеты которых требовалось захватить.

«Требовалось? Кем требовалось?» — спросите вы.

У грабителей был сговор не только с полисменом, не только с жильцом третьего этажа, которых они подкупили. Грабители давно договорились об ограблении Ван-Уика с крупным перекупщиком-мошенником, который наживался на продаже краденых драгоценностей.

Доктор Ван-Уик проснулся и обнаружил ограбление только утром. Представьте, какой был для него удар! Но оставим доктора, все равно мы ему ничем не поможем.

А наш Динь-Даг, хотя и не был уникальной монетой, тоже попал в кожаный мешок. В ту же ночь мешок был увезен в автомашине на вокзал и в ту же ночь поездом был переправлен в другой город.

Перекупщик поссорился с грабителями. Он заявил, что украдены не самые ценные монеты из коллекции Ван-Уика. Может быть, он обманывал грабителей, а может быть, последняя пересортировка доктором своей коллекции испортила дело преступников. Так или иначе, но перекупщик отказался по крайней мере от четверти содержимого мешка.

И в эту четверть попал Динь-Даг.

— Ну зачем мне эта монета, когда она выпущена всего несколько лет назад? — кричал перекупщик. — Вы мне дайте прошлые века!

— Плати, как договорились! — требовали грабители и угрожали перекупщику расправой.

Наконец мошенники договорились. Динь-Даг остался у грабителей.

МАЛЕНЬКИЙ СПАСИТЕЛЬ

Получив плату за ограбление доктора Ван-Уика, преступники прямым путем отправились в самый роскошный ресторан и отпраздновали свою удачу. Потом они стали думать, что им сделать с монетами, которые не взял перекупщик.

— Я сыт и пьян, — сказал один из перекупщиков. — Теперь мне хочется чем-нибудь позабавиться.

— Я придумал, — сказал другой. — Пойдемте к церкви и раздадим эти дурацкие иностранные деньги церковным нищим.

Предложение понравилось, и все трое в веселом настроении пошли к ближайшей церкви. Там они начали щедро одаривать бесчисленных стариков, старух и калек медными и мельхиоровыми монетами, на которые в этом городе ничего нельзя было купить. Но тут из церкви вышел какой-то щегольски одетый джентльмен. Из любопытства он остановился и наблюдал, как нищие осаждают трех молодых людей.

— Что тут творится? — спросил он подслеповатого старика, полуживым вылезшего из толпы нищих.

— Какие-то богачи деньги раздают, — прошамкал старик и показал несколько монет, среди которых был и Динь-Даг.

Господин взял монеты и рассмеялся:

— Дурак, не видишь разве — это же не английские деньги.

Он положил монеты в карман и стал пробираться в толпу. За ним увязался плачущий старик.

— Что здесь творится? — притворно грозно спросил джентльмен. — Кто позволил вам обманывать бедных людей?!

Конечно, он и не думал заступаться за нищих. Просто ему нечего было делать и он сам искал развлечений. Но трех пьяных молодчиков как ветром сдуло.

— Дурни, — сказал джентльмен. — Вам же подают деньги, на которые ничего купить нельзя.

— Фальшивые! Фальшивые деньги! — истошно закричала какая-то старуха и бросила деньги на дорогу.

Другие тоже стали бросать деньги. Но некоторые, не поверив джентльмену, торопливо прятали монеты по карманам.

Джентльмен подобрал несколько монет и пошел от церкви.

— Это не фальшивые деньги, — наставительно оказал он толпе изумленных нищих, — но они иностранные, не английские.

Джентльмену нечего было делать, и он побрел на набережную посмотреть, как мальчишки ловят рыбу, а попутно и развлечься. Любимым его развлечением было бросать в воду монетки и смотреть, как за ними ныряют ребята. Кстати, у него сейчас были монеты, ему совершенно ненужные. А мальчишки все равно будут нырять.

Этого джентльмена-бездельника все портовые ребята уже знали. При его появлении некоторые из них быстро разделись. Несмотря на свой ребячий возраст, это были отличные ныряльщики.

— Сэр, — крикнул мальчишка постарше. — Я готов. Бросайте! За шиллинг могу подальше!

«Слишком жирно», — усмехнулся джентльмен и швырнул крупную серебряную монету, происхождение которой он и сам не знал.

Мальчик моментально бросился в воду, но монета была заброшена далеко, и поймать её ныряльщику не удалось.

Тогда джентльмен бросил поближе мелкую английскую монету. Второму ныряльщику повезло. Он вынырнул, держа монету в зубах.

Наступила очередь и Динь-Дага. Никогда еще за всю свою жизнь Динь-Даг не купался в реке. Когда он очутился в воде, то почувствовал приятную прохладу. Он не думал, что тонет, и вообще не имел представления о том, какие бывают при этом неприятности. Медленно опускался бедный Динь-Даг в глубину. Хорошо, что его все-таки успел подхватить маленький Роб.

Пока Роб не вылез на берег, он, конечно, не знал, с какой монетой имеет дело. И велико было его удивление и разочарование, когда он, дрожащий и бледный от холода, увидел на монете незнакомые буквы.

— Вы меня обманули! — возмущенно крикнул он уходящему посмеивающемуся джентльмену.

Но тот даже не оглянулся.

Рассерженный и обиженный до слез, маленький Роб хотел было уже швырнуть Динь-Дага обратно в реку, но одумался и стал рассматривать незнакомую монету. На одной стороне стояла цифра «15», а на другой Роб увидел серп и молот и над ними маленькую звездочку. Постойте, где он видел такие же серп и молот и звездочку? Роб стал напрягать память и наконец вспомнил. Он видел все это на красном флаге у парохода, а пароход этот, как ему объяснили докеры, был русским.

— Эге, — сказал Роб, — ведь секунда, другая, и ты, милая монетка, навсегда бы осталась лежать на дне.

При этих словах Роба Динь-Даг ужаснулся. Так вот какая страшная судьба его ожидала! Всю жизнь лежать на илистом противном дне реки! И конечно его, такого маленького, никто и никогда бы там не нашел,

никто бы его не спас. И Динь-Даг проникся величайшей благодарностью к своему маленькому спасителю.

Все мальчики, товарищи Роба, уже разбежались кто куда.

— Что же я буду с тобой делать? — спросил Роб у Динь-Дага.

— Храни меня у себя, мой добрый спаситель, — прошептал Динь-Даг.

Но Роб не понял его просьбы.

Робу очень хотелось есть, а после купания захотелось еще больше. «А что, — подумал Роб, — если найти в порту какой-нибудь русский пароход и отдать команде эту русскую монету? Может быть, за нее дадут чего-нибудь поесть». И Роб отправился на причалы.

Среди многих других судов он в самом деле разыскал пароход с красным флагом, стоящий под погрузкой. Мальчик смело подошел к борту, вынул из кармана Динь-Дага и показал его матросу с повязкой на рукаве.

Матрос сошел на причал и взял Динь-Дага. Он повертел его в руках и спросил по-русски:

— Где ты взял?

Но Роб не понял вопроса и пальцем показал на свой рот. Зато матрос его понял: мальчишка хочет есть. Он вернул Динь-Дага Робу, жестом предложил ему подождать на причале и сказал:

— Пятнадцать копеек оставь себе на память, а попитаться — сейчас что-нибудь придумаем.

Матрос ушел, вскоре вернулся и поманил Роба на пароход. Он провел мальчика к камбузу — паровой кухне. Там повар подал Робу большую миску с мясом и картошкой и два куска хлеба.

— Садись вот тут, — сказал повар и показал на скамеечку. — Перекуси!

Роб с удовольствием ел мясо. Он не стеснялся — ведь не бесплатно же. Он заплатит этим хорошим людям. Только одна мысль беспокоила наивного мальчика: хватит ли одной монеты за такой вкусный и обильный завтрак.

Опустошив миску, Роб передал её повару, поблагодарил по-своему и снова вытащил Динь-Дага.

Матрос рассмеялся и сказал повару:

— Это он хочет заплатить за харч. Чудак! Только интересно, где он её откопал? — И добавил, обращаясь к Робу: — Сохрани её на память.

Роб еще раз поблагодарил советских моряков и, когда проходил по палубе к трапу, незаметно опустил монету матросу в карман.

СНОВА НА РОДИНЕ

Хотя дальнейшая жизнь Динь-Дага в кармане простой матросской куртки проходила скучновато, все же он чувствовал себя прекрасно. Ведь могло быть значительно хуже, если бы его не спас этот славный и смелый

мальчишка Роб. Не очень-то приятно веки вечные лежать всеми забытым на грязном дне огромной и глубокой реки.

Нет, наш Динь-Даг был просто счастливецом. Пароход, на который он попал, через день вышел в море и направился в тот советский порт, откуда Динь-Дага увез англичанин Питер Питт. Ура! Наш герой возвращался на Родину!

Матрос обнаружил Динь-Дага не сразу. Пароход был уже в море. Матрос решил закурить и запустил руку в карман за спичками. Но спичек не оказалось, а пальцы нащупали монету. Матрос догадался и усмехнулся: чудной парнишка приходил к ним на пароход.

— Ты, брат пятиалтынный, путешественник, — сказал матрос и отнес Динь-Дага в каюту.— Теперь поедешь домой.

Динь-Даг оказался на небольшой полочке, по соседству со стопкой книг. Слова матроса совсем развеселили его, и на радостях он вспомнил свою любимую песенку:

Я путешественник великий,
Все это знают хорошо...

Теперь-то он сможет многое рассказать о своих приключениях, если, конечно, ему поверят.

Жизнь на пароходе была просто чудесной. Главное, что Динь-Даг теперь лежал не в кармане, не в сумке или кошельке, а на полочке и видел все, что происходило вокруг. В каюте было чисто, светло, тепло и сухо. Рядом с умными, серьезными, солидными книгами солиднее чувствовал себя Динь-Даг.

Хозяева каюты — а их было двое, оба матросы, — часто брали книги и по ним учились. Они хотели стать штурманами и потом капитанами. Оба они были молоды и в разговорах любили помечтать. Иногда они включали радио и слушали музыку. И Динь-Даг тоже слушал. И лучшей жизни нечего было желать.

Но перед приходом в порт Динь-Даг все-таки заскучал. Он вспомнил, что, по существу, уже длительное время бездельничал, то есть совсем не помогал людям. Его утешала лишь мысль о том, что в порту матросы возьмут его на берег и отдадут в магазин или заплатят за проезд в трамвае или в автобусе. Тогда он снова будет встречаться со своими друзьями и трудиться и отдыхать в знакомом коллективе.

Перед приходом в порт на пароходе началась обычная приборка. Прибирая каюту, один из матросов взял Динь-Дага и положил в карман.

Как Динь-Даг и ожидал, скоро он оказался в сумке у трамвайного кондуктора и потом пошел гулять по людским рукам.

И долго еще путешествовал Динь-Даг, встречаясь с другими монетами, рассказывая о своих необыкновенных приключениях и всюду напевая свою

песенку. Опытный, он теперь хорошо отдыхал и еще лучше, усерднее трудился — помогал людям разговаривать по телефону, покупать газеты, разезжать в трамваях и автобусах.

Люди говорят: ничто не вечно под луной. И действительно, сами люди старятся, машины изнашиваются, дома постепенно разрушаются, даже реки высыхают. Но зато всё время рождаются и вырастают другие люди, создаются другие, более сильные и сложные машины, строятся новые, ещё более красивые и удобные дома, а человек не только роет новые реки и каналы, но даже разливает моря там, где раньше не было и маленькой лужицы. Обо всём этом Динь-Даг знал из разговоров, которые вели между собой люди. Вообще Динь-Даг многое знал, но не предполагал, что ему скоро придётся уступить место другой монете, что он устареет.

Узнал он об этом тоже из разговора людей. Такой разговор Динь-Даг однажды услышал, находясь в кассе продуктового магазина. Магазин уже закрыли, и кассирша сдавала деньги.

Принимая деньги, пожилой человек из банка говорил:

— Ну вот, скоро заменят все эти деньги новыми. Будет лучше, и нам будет легче. Вместо рубля будем платить гривенник, а вместо гривенника — копейку. Хорошо и удобно!

Узнав о замене денег, Динь-Даг приуныл. Значит, скоро навсегда закончатся его путешествия и приключения. И он сказал об этом своему старому знакомому, мудрому Двугривенному, с которым встретился случайно в газетном киоске.

— Что же такого? — ответил Двугривенный. — Не мы с тобой одни. Все деньги будут заменены. Поработали мы с тобой честно, послужили народу. Теперь пора и на покой. Другим, молодым, сильным деньгам нужно дать место. Они лучше будут трудиться. А мы с тобой посостарились.

«А пожалуй, мудрый Двугривенный прав, — подумал Динь-Даг и сразу успокоился. — Пусть другие поработают, попутешествуют, посмотрят на мир и на людей».

Они по-дружески распрощались с мудрым Двугривенным и разошлись в разные стороны.

Ещё с месяц путешествовал Динь-Даг, а может быть, и больше. Ведь, путешествуя, он не вел счет дням и на календарь не смотрел. Иногда он спал и днем, иногда спал подряд по нескольку дней, когда о нем забывали. А бывало и так, что Динь-Даг переходил из кармана в карман ночью, и тогда ему приходилось бодрствовать.

После теплого, солнечного лета наступила хотя и не очень холодная, но прохладная, не очень дождливая, но пасмурная осень. Была она в этом году богатая и принесла людям множество овощей и фруктов, ягод и грибов.

Груды яблок, груш, персиков, винограда заполняли прилавки на базаре, в магазинах, в ларьках.

А потом пришла зима с обильными снегами и крепкими морозцами. Под снегом всё побелело — поля и городские улицы, крыши домов и деревья. А на реках, речках, озерах и прудах появился лед, прозрачный, словно леденцовый. Но вскоре и лед покрылся снегом и побелел.

Приближался Новый год. Праздника ожидали все люди. Но конечно с особенным нетерпением ожидали его ребята. Да это и понятно: ведь Новый год — это елка, утренники, карнавалы, праздничные подарки.

Наш Динь-Даг все продолжал путешествовать, позвякивать и напевать свою веселую песенку:

Я путешественник великий...

И вот однажды, как раз в канун Нового года, произошла необычайная, неожиданная и очень счастливая встреча. Старинный наш знакомый Виталька Голубков, тот самый мальчик, который дал Динь-Дагу имя, отправился с матерью в магазины. Они обошли много магазинов и купили для праздника много всяких продуктов — мясо, масло, сыр, яблоки, какао и конфеты.

Мать и сын уже собирались идти домой. Но вдруг в одном из магазинов на витрине Виталька увидел совершенно необыкновенные конфеты. Назывались они «Зоологические», а на их обертках разноцветными красками были нарисованы всевозможные звери. Тут были и львы, и тигры, и медведи, и лисицы, и зайцы, и белки. Тут были и орлы, и страусы, и павлины, и попугаи, и ласточки, и колибри.

Нет, от таких конфет отказаться было совершенно невозможно. Лучше было не покупать других конфет. В этом мама с Виталькой согласилась. И она дала сыну десятирублевую бумажку.

— Иди заплати, — сказала она.

Виталька с важным видом подошел к кассе, подал деньги и попросил:

— Тетенька, мне нужно конфет со зверями...

Кассирша подумала, покрутила рукояткой и выдала Витальке чек и сдачу — один бумажный рубль и три монеты.

Мальчик посмотрел на чек, на рубль и на монеты. Он хотел показать, что проверяет чек и сдачу и что он разбирается в таких вещах.

И вдруг он увидел... Он даже вскрикнул от удивления. На его ладони лежала пятнадцатикопеечная монета с зарубинкой. Забыв обо всем на свете, Виталька бросился к матери и закричал:

— Мама! Мама! Смотри, мне отдали Динь-Дага!

Мать ничего не поняла. А Виталька радостно повторял:

— Динь-Даг! Мой Динь-Даг!

Подробно Виталька все объяснил матери уже на улице. Но она, оказывается, ничего не помнила: ни высотного дома, который когда-то построил Виталька, ни того, как Каштан этот дом разрушил. Она не помнила, как у папы нашелся пятиалтынный, который сам назвал свое имя: Динь-Даг.

— Все это, конечно, могло быть, — сказала мама. — Но монета, может быть, и совсем не та, которую ты зажал в тиски и хотел выпилить из неё звезду.

Но Виталька знал, он был уверен, что к нему вернулся его пятиалтынный, имя которому Динь-Даг. Мальчик подбросил монету. Она упала на асфальт и звякнула: «Динь», высоко подпрыгнула и прозвучала глухо: «Даг».

— Вот видишь, — торжествовал Виталька, — он опять сказал «Динь-Даг»!

Всю дорогу Виталька любовался Динь-Дагом. Он был так рад встрече, что забыл о конфетах со зверями и о том, что завтра будет Новый год. Он даже перестал волноваться, принесет ли ему Дед Мороз елку.

А елка, оказывается, его уже ожидала дома. Она была нарядно разукрашена игрушками и флажками и вся светилась разноцветными электрическими лампочками, малюсенькими, величиной меньше грецкого ореха.

— А у нас Дед Мороз был! — похвасталась сестренка Катюшка. — Вот он елку принес!

— А кто её украшал? — недоверчиво спросил Виталька. Он уже подозревал, что никакого Деда Мороза не было.

— Мы с ним вместе украшали, — ответила Катюшка. Виталька не стал говорить о своих сомнениях. Все равно с Катюшкой спорить бесполезно. Елка уже есть — вот и хорошо! Теперь бы еще подарки получить!

Виталька показал сестре Динь-Дага, но она лишь пожала плечами и сказала:

— Подумаешь, пятнадцать копеек!

— Да ведь это Динь-Даг, — возразил Виталька. — Видишь, зарубина. Эту зарубину сделал я. Он путешествовал, путешествовал, а теперь вернулся к нам.

Катюшка не поверила, повертела в руках Динь-Дага и вернула брату:

— Мало ли бывает на деньгах зарубин и царапин...

Девчонки всегда такие — ни во что интересное не верят. Так подумал Виталька и стал дожидаться отца. Он ходил вокруг елки и любовался игрушками и фонариками, не выпуская из рук драгоценного Динь-Дага.

Когда пришел отец, на улице совсем стемнело. Теперь елка выглядела еще прекраснее, еще сказочнее.

Отец сразу же вспомнил тот день, когда Каштан разрушил Виталькин высотный дом. Вспомнил, поверил, обрадовался и сказал:

— И где он только не побывал после нас! Вот интересно бы узнать!.. И интересно, что вернулся он к тебе, Виталька, под Новый год.

— Я теперь его никуда не отпущу, — решил Виталька. — Пусть он теперь живет у меня. Правда, пап?

— Завтра Новый год, и с завтрашнего дня в ходу будут новые деньги, — сказал отец. — Ну что ж, ты можешь своего Динь-Дага сохранить на память. Пусть он станет началом твоей коллекции монет. И это будет в первый день Нового года. А сегодня ты подумай, где и у кого твой Динь-Даг мог побывать после того, как мы им заплатили за мороженое.

Виталька прыгал от радости, весь предновогодний вечер играл с Динь-Дагом и говорил ему:

— Теперь ты будешь жить у меня в коллекции. И ты расскажешь мне про свои приключения. Ведь ты расскажешь, Динь-Даг, расскажешь, да?

Укладываясь спать, Виталька решил не расставаться с Динь-Дагом. Он лег в кровать и держал монету в руке.

И Динь-Даг был счастлив. Жить у Витальки Голубкова он был согласен. Хватит, попутешествовал он на своем веку. И Динь-Даг стал вспоминать, где он побывал, что повидал и что услышал.

Вспомнил Динь-Даг юного строителя машин Алешу и красивое представление в цирке. Вспомнил он и самоотверженного доктора Степана Ермолаевича, который спас человека, а сам умер. А потом ещё была неприятная история, когда мальчишки играли в деньги и больно избивали монеты о стену. Зато в интерклубе было интересно. А каким опасностям подвергался Динь-Даг во время путешествия за границу! Было жалко расставаться с английским моряком Питером Питтом, хотелось побольше узнать о его жизни. Но ведь потом Динь-Даг повидал множество самых различных монет в коллекции у доктора Ван-Уика. И какой замечательный был этот мальчик Роб, который в какие-то секунды спас Динь-Дага! Ведь благодаря Робу Динь-Даг и вернулся на родину. А теперь он снова у Витальки Голубкова. Вот ведь, каких только занимательных историй не случается в жизни. Да и только ли эти истории пережил Динь-Даг! А расскажи какому-нибудь маловеру, ни за что не поверит! Ну и пусть не верит!

Но вот закончилась последняя минута старого года. Наступил Новый год. Он заглянул в жилища людей всего мира.

Виталька Голубков засыпал и все слушал и слушал волшебный рассказ Динь-Дага о его необыкновенных приключениях. Слушал и всему верил. И Динь-Даг ничего не соврал, ничего не прибавил к своему правдивому рассказу.

Недавно я заходил к Голубковым. Они живут по соседству. Виталька показал мне пятнадцатикопеечную монету старого образца, монету с маленькой зазубринкой.

— Это знаменитый Динь-Даг! — с гордостью сказал мальчик.

И Виталька подробно рассказал мне историю Динь-Дага. А теперь я её рассказал вам. И к этой истории я тоже ничего не прибавил.

Вот какая чудесная на свете жизнь!